

<https://doi.org/10.17803/lexgen-2023-2-1-95-107>

Оригинальная статья / Original article

Генетика поведения в ракурсе гражданско-процессуального доказывания

Анастасия А. Селькова[✉]

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Российская Федерация

Аннотация

С момента своего оформления в качестве отдельной отрасли научного знания генетика поведения вызывает множество этических, правовых и социальных вопросов. Выявление генетических истоков поведения выходит за пределы научной сферы в такие социально значимые области, как правосудие, образование и здравоохранение. Развитие новых методов и аналитических подходов, включая секвенирование генома, неинвазивное пренатальное тестирование и оптогенетику, явно изменило направление дальнейшего развития генетики поведения, которая преобразовала правовые и социальные контексты биомедицинских исследований, анализируемые в данной статье. Автор указывает на расширение сферы применения генетики поведения, ставшее заметным во многих государствах, акцентирует внимание на этических, правовых, социальных и политических вопросах, возникающих в связи с потенциальными возможностями применения генетики поведения для целей доказывания в судопроизводстве. Делается вывод о значительной ценности генетики поведения и поведенческих генетических доказательств для целей определения значимых обстоятельств по делу и вынесения судом законного и обоснованного решения. На примере конкретных категорий дел (гражданско-правовые деликты и дела об установлении опеки) показано, каким образом применение генетики поведения позволит гарантировать надлежащую защиту прав некоторых уязвимых групп населения (несовершеннолетних и лиц, страдающих психическими расстройствами).

Ключевые слова: генетика поведения, правовой режим генетической информации, средства доказывания, исследование доказательств, гражданско-правовые деликты, судебная экспертиза

Для цитирования: Селькова, А.А. (2023). Генетика поведения в ракурсе гражданско-процессуального доказывания. *Lex Genetica*, 2(1), 95–107. <https://doi.org/10.17803/lexgen-2023-2-1-95-107>

[✉]Email: a.a.selkova@uslu.su

Поступила 07.06.2023

Пересмотрена 04.07.2023

Принята 20.07.2023

Behavioural Genetics in the Context of Proof Within Civil Procedure

Anastasia A. Sel'kova✉

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract

Since being established as a separate branch of scientific knowledge, behavioural genetics has raised many ethical, legal and social questions. The identification of the genetic origins of behaviour is expanding beyond the scientific field into socially relevant areas such as justice, education and health care. The development of new techniques and analytical approaches, including genome sequencing, non-invasive prenatal testing and optogenetics, has clearly changed the direction of further development of behavioural genetics. This has also transformed the legal and social contexts of biomedical research analysed in this article. The author discusses the expanded scope of behavioural genetics which has become prominent in many countries. The author further focuses on the ethical, legal, social and political issues raised by the potential application of behavioural genetics used for evidentiary purposes in legal proceedings. The author draws the conclusion that behavioural genetics and behavioural genetic evidence are of significant value in determining circumstances relevant to a given case, thus assisting the court in coming to a legitimate and well-reasoned decision. By examining specific categories of cases (civil torts and guardianship cases), the author shows how the application of behavioural genetics can ensure that the rights of certain vulnerable groups (juveniles and persons with mental health problems) are adequately protected.

Keywords: behavioural genetics, legal regime of genetic information, means of proof, examination of evidence, civil law torts, court expertise

To cite this article: Selkova, A.A. (2023). Behavioural genetics in the context of proof within civil procedure. *Lex Genetica*, 2(1), 95–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/lexgen-2023-2-1-95-107>

Received 07.06.2023

Revised 04.07.2023

Accepted 20.07.2023

✉Email: a.a.selkova@uslu.su

Lex Genetica. 2023. Volume 2, No. 1. 95–107

Введение

Тема использования поведенческих генетических доказательств в гражданском судопроизводстве возникающие при этом спорные ситуации до сих пор не привлекают достаточного внимания правоведов, большинство из которых углубились в исследование соответствующих вопросов применительно к уголовному процессу. Подобное научное «пренебрежение» объясняется тремя причинами.

Во-первых, цели гражданского и уголовного судопроизводства существенно различаются. В рамках гражданских дел разрешаются споры между субъектами частного права относительно их юридических прав и обязанностей. Преступления, напротив, предполагают нарушение интересов как государства, так и общества в целом. Сообразно этому доказательства в уголовном деле служат целям поиска виновного в совершении правонарушения и, таким образом, кажутся более значимыми, чем доказательства, представляемые в ходе гражданского судопроизводства, лишь отдаленно затрагивающего сферу общественного порядка.

Во-вторых, судебная практика по некоторым гражданским делам (например, по делам об установлении опеки над детьми) традиционно основывается на толковании определенных категорий (например, наилучшие интересы ребенка) исключительно в социологическом ракурсе. Следовательно, на сегодня поведенческие генетические доказательства могут играть лишь ограниченную роль в таких гражданских делах.

В-третьих, текущий уровень развития генетики поведения (особенно психиатрической генетики) не позволяет с максимальной эффективностью применять

данные доказательства в гражданском процессе. До сих пор нельзя однозначно идентифицировать генетические маркеры, связанные с такими специфическими психическими состояниями, как депрессия, шизофрения, биполярное расстройство, аутизм, синдром дефицита внимания с гиперактивностью. Кроме того, окончательный диагноз о наличии либо отсутствии перечисленных расстройств не может быть поставлен посредством генетического тестирования, которое не дает точной оценки времени возникновения отклонения, его тяжести или степени влияния на поведение человека (Scurich, 2016; Prichard, 2008). Таким образом, поведенческие генетические доказательства содержат в себе информацию слишком неопределенную, чтобы она могла иметь существенное значение в гражданском процессе, где ключевую роль играют конкретные факты, с однозначностью подтвержденные.

Несмотря на эти негативные факторы, кажется вероятным, что поведенческие генетические доказательства неизбежно будут использоваться в гражданском судопроизводстве по мере развития генетики поведения. Особенно при рассмотрении судами гражданско-правовых деликтов и споров по поводу установления опеки над детьми. При этом возникают многообразные этические, юридические и социальные проблемы, которые будут детально описаны далее.

Гражданско-правовые деликты

Доказательства, основанные на научных данных, довольно часто применяются при разбирательстве споров, возникающих из деликтов. В подобных делах для установления гражданско-правовой ответственности необходимо выявить наличие

причинно-следственной связи. Нередко для этого прибегают к использованию научных данных и выводов экспертизы. Здесь уместно упомянуть доктрину Даубера (Vickers, 2005), традиционно используемую в англо-саксонской правовой системе для определения того, насколько достоверна, научно обоснована проведенная экспертиза, и могут ли полученные при ее проведении результаты быть надлежащим образом применены к рассматриваемым фактам. В соответствии с доктриной Даубера, для оценки «научности» экспертизы могут быть приняты во внимание разнообразные факторы (Gatowski, 2001). Например, возможность проверки выводов эксперта; наличие публикаций по соответствующей тематике; частота ошибок, вероятных при проведении экспертного исследования; наличие стандартов, методик проведения экспертизы, насколько они соблюдены экспертом; и получили ли они широкое признание в соответствующем научном сообществе (Dahir, 2005).

В некотором роде информация о генетических данных схожа с экспертным заключением и также может исследоваться судом для установления фактов относительно состояния здоровья сторон и случаев небрежности в спорах, связанных с несанкционированным раскрытием генетической информации (Ajunwa, 2014). В свою очередь, результаты генетического тестирования по определению состояния здоровья и предрасположенности к болезням могут иметь значение в делах о врачебной халатности (Marchant & Robert, 2009) и при рассмотрении заявлений истца о получении им телесных повреждений вследствие воздействия химически опасного или токсичного вещества, которое находилось под контролем ответчика. Таким обра-

зом, поведенческие генетические доказательства могут играть немаловажную роль при рассмотрении деликтов.

В этой связи возникают некоторые опасения, в первую очередь относительно способов получения генетических данных о поведении и их представлении суду. Один из способов – приобщение к материалам дела медицинской документации о состоянии здоровья участников процесса. Еще один способ получения поведенческих генетических доказательств – тестирование по инициативе суда. Так, в одном из дел по иску о халатности ответчик потребовал, чтобы суд обязал истца пройти генетическое тестирование на болезнь Гентингтона с целью уменьшения суммы присужденного ущерба (Adacsi v Amin).

На наш взгляд, каждый из названных способов является приемлемым. Поскольку деликт предполагает наличие вины, ответчик несет ответственность лишь за умышленные действия или бездействие. Таким образом, важны доказательства того, что нарушение прав истца было вызвано именно поведением ответчика. Здесь и могут понадобиться сведения генетических тестов, подтверждающие или опровергающие утверждения истца. Следует также отметить относительно устоявшуюся практику проведения генетического тестирования по инициативе суда (например, в делах об установлении или оспаривании отцовства).

Однако природа поведенческих генетических доказательств значительно снижает их эффективность в плане подтверждения или опровержения обстоятельств по делу. Несмотря на то что суды могут потребовать от стороны предоставить соответствующую информацию или пройти генетическое тестирование, недетерминистский характер генетики поведения неизбежно

ограничивает научную ценность таких доказательств. В то же время раскрытие медицинских данных, полученных в рамках генетических обследований и тестирования, всегда связано с определенными рисками стигматизации. В общественном сознании до сих пор сильны предрассудки вокруг психических расстройств и лиц, нуждающихся в психиатрической помощи (Link, 2001; Link et al., 1997). Соответственно, опасения подобной стигматизации могут удерживать стороны от участия в генетических исследованиях и тестировании, что крайне нежелательно для целей судебного разбирательства. Более того, стигматизация может повлиять на восприятие участника процесса, став мощным инструментом искажения показаний лица (Smith, 2010).

Следовательно, требование суда раскрыть генетически значимую информацию или пройти генетическое тестирование только увеличит вероятность вынесения предвзятого судебного решения. Велики и риски для тех участников процесса, чьи генетические данные будут раскрыты, так как возникает угроза несправедливого предубеждения в ходе судебного разбирательства. Таким образом, даже если судья уверен, что в деле существуют серьезные основания для отказа от требований конфиденциальности генетической информации, следует взвесить все за и против, прежде чем требовать раскрытия генетических данных или прохождения генетического тестирования (Fuss, 2015).

Дела об установлении опеки

Характер разбирательств об установлении опеки вполне позволяет использовать в их рамках поведенческие генетические доказательства (Sabatello, 2016). Заявления о нестабильности психического состояния

родителей распространены как в спорах об опеке, так и в разбирательствах по лишению родительских прав. Действительно, поскольку наилучшие интересы ребенка и его последующая психосоциальная адаптация имеют первостепенное значение в таких делах, физическое и психическое здоровье родителей являются важными факторами при оценке эмоциональной адекватности для целей воспитания. С одной стороны, факт наличия психического расстройства или генетическая предрасположенность к нему недостаточны для ограничения или лишения родительских прав (Wertheimer, 2020; Lightfoot, 2010). Однако негативные коннотации, окружающие психические расстройства, могут превратить поведенческие генетические доказательства в инструмент злоупотребления процессуальными правами.

Если генетика поведения достигнет того уровня, когда соответствующее тестирование станет достаточно точным в плане определения диагноза, то суд сможет принять результаты такого тестирования для подтверждения факта наличия психического расстройства (Rew, 2010). Подобная возможность позволила бы суду вынести более взвешенное решение, основанное на изучении всех обстоятельств по делу. Вместе с тем степень объективности, с которой суд сможет оценивать поведенческие генетические доказательства, до сих пор неясна.

Чтобы осветить негативные факторы, влияющие на судебное восприятие поведенческих генетических доказательств, рассмотрим дело, в котором обжаловалось решение суда о лишении родительских прав (Taylor, 2006). Комментируя свое употребление метамfetамfина, мать несовершеннолетнего ребенка пояснила, что оно

было вызвано хронической депрессией, для лечения которой невозможно было получить надлежащей медицинской помощи, а также генетической предрасположенностью к злоупотреблению психоактивными веществами. Никаких конкретных доказательств этому не было предъявлено. Представляется, что даже если бы к делу приобщили результаты генетического тестирования, устоявшиеся в общественном сознании представления о психических расстройствах и их генетических основах, скорее всего, свели бы на нет влияние научных данных.

Действительно, несмотря на обширные исследования этиологии депрессии, судьи, как правило, рассматривают ее как временное расстройство, зависящее от окружающей среды и не влияющее на способности родителей воспитывать ребенка. Напротив, несмотря на научно подтвержденные данные относительно нейрогенной основы наркомании (Ducci, 2012), злоупотребление психоактивными веществами обычно воспринимается как личное моральное падение и результат отсутствия силы воли; как состояние, не зависящее от триггеров окружающей среды и для которого не разработано эффективного лечения (Barry, 2014).

Второй вопрос касается изучения генетических данных детей, участвующих в таких разбирательствах, например для обоснования необходимости обеспечить ребенка дополнительными гарантиями социальной защиты (Chill, 2003). Так, в одном из дел о лишении родительских прав суд учел заключение специалиста органа опеки,

согласно которому ребенок, рожденный от родителей, страдающих психическими заболеваниями, генетически предрасположен к эмоциональной нестабильности и тревожности и, следовательно, нуждается в постоянном уходе, предлагаемом приемными родителями (DOCKET NO. A-4816-10T4 (App. Div. Mar. 28, 2013))¹.

Отметим, что в рамках подобных дел возникает ряд вопросов, которые судье надлежит рассмотреть: следует ли детям, относительно которых решается вопрос об опеке, проходить генетическое тестирование для определения степени их подверженности поведенческим и психическим расстройствам? С одной стороны, такая обязанность – проверять детей на предрасположенность к психическим расстройствам даже при отсутствии симптоматики – приведет к существенному ущемлению интересов несовершеннолетних, к нарушению их индивидуальной автономии и неприкосновенности частной жизни, предполагающих, что каждый гражданин самостоятельно решает вопрос о расшифровке собственного генотипа (Geva, 2012).

Другой вопрос заключается в том, должны ли решения об установлении опеки основываться на сведениях о генотипе ребенка? Представляется, что в таком случае, в дополнение к сведениям о склонности несовершеннолетнего к поведенческим и психическим расстройствам, потребуются информация о генотипе потенциальных опекунов. Благодаря генетическому обоснованию решений об опеке возможно гарантировать, что будут выбраны те приемные родители, которые однозначно смогут

¹ Superior Court of New Jersey Appellate Division. (2013). N.J. Div. of Youth & Family Servs. v. G.T.M. Decided Mar 28, 2013. Docket No. A-4816-10T4. Available at: <https://casetext.com/case/nj-div-of-youth-family-servs-v-gtm>

должным образом удовлетворить потребности ребенка.

Все рассмотренные ранее способы представления поведенческих генетических доказательств в суд (истец прошел генетическое тестирование и желает представить его результаты в судебном разбирательстве; генетические данные содержатся в медицинской документации, которая приобщается к материалам дела; суд обязывает кого-либо из участников процесса пройти генетическое тестирование) довольно приемлемы и не вызывают вопросов относительно их допустимости. Однако следует помнить и о случаях «генетической кражи», когда генетический материал собирается без ведома и разрешения соответствующего лица. Собранные таким способом образцы затем будут направлены на исследование, результаты которого и выступят в качестве доказательства. Таким образом, генетический материал, полученный тайно, путем генетической кражи, нельзя признать допустимым доказательством (Rothstein, 2015).

Фактически подобный сбор генетических данных от лиц, не давших соответствующего согласия, стал стандартной практикой правоохранительных органов, сотрудники которых регулярно получают необходимые образцы, используя банки из-под напитков или окурки, оставленные на месте происшествия (Joh, 2011). Хотя такие «нелегальные» генетические образцы используются для криминалистической идентификации, вполне вероятно, что в будущем сфера их применения распространится на гражданское судопроизводство при выяснении вопроса наличия поведенческих и психических отклонений у участников процесса. При этом вероятен риск сбора генетиче-

ских данных с нарушением режима конфиденциальности.

Помимо прочего, источником поведенческих генетических доказательств могут являться биообразцы, полученные в медицинских целях. Если вызов в суд для дачи показаний или предъявления вещественных доказательств является обычным явлением, то возможность истребования судом генетических данных из биобанков или медицинских лабораторий вызывает некоторую обеспокоенность, поскольку подобное принудительное направление генетической информации может снизить процент добровольного участия в генетических исследованиях или прохождения клинических испытаний. Это может стать серьезной проблемой применительно к государственным инициативам по созданию национальных биобанков, поскольку сбор генетического материала в рамках данных проектов не является анонимным: за их участниками будут наблюдать и заниматься исследованием их генотипа в течение многих лет. Здесь также возникают опасения касательно дискриминации, которой подвергнутся лица, чьи генетические образцы уже хранятся в государственном биобанке. Отметим, что подобные хранилища данных существуют во многих государствах (например, в Эстонии, Норвегии, Исландии и Великобритании), чьи правительства заинтересованы не только в улучшении качества общественного здравоохранения, но и в централизованном сборе генетической информации о населении. В настоящее время больше всего биобанков (более 600) функционирует в США, где одновременно с этим запущена программа «Все мы», направленная на создание модели здравоохранения, адаптирующей диагностику, лечение и профилактику за-

болеваний к индивидуальной изменчивости генов, окружающей среды и образа жизни человека (Henderson, 2013). Указанная цель достигается путем проведения обширных биомедицинских исследований и использования генетических данных.

В России начало функционирования Национальной базы генетической информации запланировано на сентябрь 2024 года, когда начнут действовать соответствующие законодательные поправки (Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 643-ФЗ)². Согласно им, обязанность пополнять базу возложена на обладателей генетических данных, чье производство связано с геной инженерией или гено-инженерно-модифицированными организмами. Кроме того, направлять информацию будут обязаны государственные учреждения, компании и предприниматели, занятые проведением экспертиз и молекулярно-генетического анализа в научных целях. Для всех остальных обладателей генетических данных их направление в Национальную базу будет добровольным.

Потенциальным решением проблемы защиты конфиденциальности генетической информации может выступить запрещение организациям, занимающимся генетическими исследованиями, ее предоставления в суд, лишь со строго ограниченным количеством исключений (например, по делам, связанным с жестоким обращением с детьми, угрозой причинения вреда неопределенному кругу лиц) (Williams, 2013).

Хотя генетика поведения приобрела некоторую «популярность» и расширила

сферу своего применения, она лишь несущественно затронула правовую систему и судопроизводство. До сих пор количество дел, в которых были представлены поведенческие генетические доказательства, составляет лишь небольшой процент от общего числа разбирательств. Несмотря на это, в них затрагиваются довольно спорные вопросы о детерминизме, свободе воли, намерениях, предрасположенности, стереотипизации, дискриминации и о целом ряде связанных концепций и явлений. Тем не менее, по мере того как исследования в области генетики поведения продолжают, многие из этих вопросов и потенциальных последствий для правосудия следует изучать и анализировать в ракурсе юридической науки. Действительно, помимо использования для целей доказывания, текущие и будущие исследования в области генетики поведения могут навсегда повлиять на множество аспектов восприятия свободы воли, ответственности, неприкосновенности частной жизни и дискриминации. Кроме того, генетика поведения играет важную роль для определения степени воздействия генотипа на свободную волю человека, включая его ответственность за совершенные действия. Указанная идея принимает форму генетического детерминизма, отводя генам одно из первостепенных мест в психологии принятия решений (Harden, 2023). Подобное представление вполне согласуется с устоявшейся практикой защиты по уголовным делам и делам о гражданско-правовых деликтах, основанной на утверждении о влиянии биологических факторов на спо-

² Консультант Плюс. (2022). Федеральный закон от 29.12.2022 N 643-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном регулировании в области гено-инженерной деятельности". Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436209/

способность лица проявлять собственную волю. Однако они не определяют, как свобода воли должна или будет определяться в судебном процессе.

Традиционная система правосудия исходит из того, что человек самостоятельно выбирает, нарушать или не нарушать закон, принимая во внимание установленные санкции. Сама идея свободы воли строится на положении об индивидуальном выборе не подчиняться нормативным требованиям, несмотря на знание негативных последствий этого. Существуют определенные психические расстройства, такие как шизофрения, в силу которых человек теряет способность сделать выбор или понять последствия совершаемых действий. Однако идею о том, что человек, не способный на выбор своего поведения из-за генетической предрасположенности действовать определенным образом, не лишается чувства осознания реальности (например, зависимость, импульсивность или агрессивное поведение), трудно «примирить» с концепцией правосудия. Более того, сам факт генетической предрасположенности и степени ее способствования совершению преступления или деликта затрудняет использование универсальных процессуальных концептов (таких, как распределение бремени доказывания и установление причинно-следственной связи).

Помимо феномена генетического детерминизма, следует выделить идею генетического эссенциализма, возникающую из представлений о врожденной генетической «самостоятельности». Генетический эссенциализм – чрезвычайно сложный концепт, пытающийся объяснить, что определяет личность как личность и насколько ее идентичность и действия, вызванные этой идентичностью, обусловлены влия-

нием генов (Dar-Nimrod, 2021). Эта идея затрагивает также вопрос о неправильном понимании судьями поведенческих генетических доказательств. Следует согласиться с тем, что судьи, как правило, не обладают знаниями или опытом достаточными для вынесения решения на основе оценки поведенческих генетических доказательств или научно обоснованных фактов. Велика вероятность того, что судьи могут недооценить или переоценить влияние генов на поведение конкретного лица и неверно установить степень влияния биологических факторов на личность или ее самоощущение. Ситуация усугубляется, когда эксперт (психиатр или ученый со степенью по медицине) предоставляет суду заключение, которое может быть принято без достаточной проверки научной обоснованности или правильности методики исследования.

Вторая спорная ситуация, связанная с идеей генетического эссенциализма, касается терапевтических вмешательств или лекарственных препаратов, которые потенциально могут воздействовать на гены или биологию человека и, следовательно, на его поведение. Насколько этично лечить генетическое расстройство человека в целях предотвращения его недобросовестного поведения в будущем? Согласно одной точке зрения, насильственное изменение основных генотипических свойств человека фактически меняет его личность (Berryessa, 2013). Сообразно этому, даже если человек склонен к совершению преступных или аморальных действий, его нельзя подвергать терапевтическому воздействию. Другая позиция исходит из наличия у государства своего рода «полицейских» полномочий, власти *parens patriae*, то есть правомочия контролиро-

вать поведение человека для блага последнего и защиты остальных членов общества (Lewis, 2015). В данном случае «медицинское» вмешательство государства рассматривается как этически оправданное действие, совершаемое ради общественного блага. Между тем определить возможные границы такого вмешательства невероятно сложно.

Научные достижения в области генетики поведения также создают потенциал для совершенствования методики предсказания случаев совершения правонарушений в будущем. В настоящее время исследования в данной сфере основываются на сведениях о генотипе человека, которым определяется его «биологическая склонность» к противоправному поведению. Конечно, ученым еще предстоит определить окончательные генетические причины поведения, но коммерциализация генетического тестирования уже сделала его достаточно доступным для выявления маркеров таких заболеваний, как шизофрения, биполярное расстройство и иных психических отклонений.

Среди других последствий коммерциализации генетического тестирования следует отметить повышение доступности персональной геномики для потребителей. Появились десятки компаний, предоставляющие соответствующие услуги. Кажущийся положительный эффект такой коммерциализации нивелируется тем, что возможность сдачи генетических тестов без предписания врача или без его участия приведет к введению в заблуждение граждан, незнакомых со всеми значениями или ограничениями результатов теста. Более того, в России генетические тесты фактически приравнены к лабораторно разработанным тестам, в отноше-

нии которых не установлено минимальных стандартов клинической валидности.

Ярким примером неприемлемого маркетинга в области генетического тестирования является деятельность некоторых компаний в США. Так, фирмами 23andMe и Psynomics в рекламных целях использовались выдуманные рекомендации знаменитостей, заявления о том, что ДНК клиентов может быть применена для создания биологически активных добавок и предложения услуг по тайной проверке ДНК своего партнера. Другая компания – My Gene Profile гарантировала предоставление полной генетической характеристики детей, включая оценку поведения, интеллекта, эмоций, художественных и спортивных способностей, а также вероятность подверженности наркотической зависимости. Подобные маркетинговые преувеличения отражают отсутствие четкого понимания правового режима генетической информации.

Наконец, исследования в сфере генетики поведения затрагивают вопросы, связанные с неприкосновенностью частной жизни и дискриминацией. В частности, один из самых дискуссионных моментов касается правомерности использования работодателями информации из государственных баз генетических данных в отношении потенциальных или непосредственных работников. Есть основания опасаться, что это может привести к их дискриминации в отношении медицинского страхования и занятости. При этом особенно уязвимым видится положение тех групп населения, что непропорционально представлены в соответствующих базах данных.

Выводы

Сказанное выше подтверждает постоянно растущее воздействие генетики пове-

дения на право и судопроизводство. Представляется, что и в будущем с ее развитием будут связаны разнообразные этические, правовые, социальные и политические вопросы. Универсальность генетических данных позволяет применять их к постоянно расширяющемуся кругу сфер, включая правовую систему. Это вполне объясняет все более отчетливое проявление тенденции использования поведенческих генетических доказательств в гражданском судопроизводстве. Особенно ярко она проявляется в спорах, связанных с гражданско-правовыми деликтами и с вопросами о воспитании детей.

Однако и в иных категориях дел благодаря поведенческим генетическим доказательствам могут быть устранены многие неясности и определены значимые обстоятельства. Правоприменителей привлекает относительная точность и однозначность заключений, которые предлагает генетика поведения. Но нельзя забывать и о потенциальных рисках. В спешке, вызванной желанием внедрить как можно больше новых научных знаний в жизнь общества, чрезвычайно сложно выявить действительные связи между ге-

нетикой и средой, между личностью и обществом. Стремление найти однозначные решения может привести к тому, что традиционные правовые идеалы, такие как равенство всех перед законом, неприкосновенность частной жизни, автономия личности, окажутся в тени. Несмотря на свою очевидную ценность, поведенческие генетические доказательства должны быть тщательно изучены, прежде чем будут задействованы в пересмотре таких фундаментальных правовых категорий, как разумность, добросовестность, ответственность и виновность.

Законодателям надлежит оценивать целесообразность использования новых генетических технологий, чтобы научные достижения внедрялись лишь после должного анализа всех вероятных последствий этого. Изучение потенциальных способов использования результатов научных исследований в области генетики для совершенствования правовой системы – вопрос, который только сегодня начинает обращать на себя внимание, и определение критериев использования этих новых мощных инструментов в юриспруденции, несомненно, займет следующее поколение правоведов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ajunwa, I. (2014). Genetic testing meets big data: Tort and contract law issues. *Ohio State Law Journal*, 75(6), 1225–1262.
- Barry, C. (2014). Stigma, discrimination, treatment effectiveness, and policy: public views about drug addiction and mental illness. *Psychiatric Services*, 65(10), 1269–1272. <https://doi.org/10.1176/appi.ps.201400140>
- Berryessa, M. (2013). Ethical, Legal and Social Issues Surrounding Research on Genetic Contributions to Anti-Social Behavior. *Aggression and Violent Behavior*, 18(6), 605–610. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2013.07.011>
- Boyce, W. (2005). Biological sensitivity to context: I. An evolutionary-developmental theory of the origins and functions of stress reactivity. *Development and Psychopathology*, 17(2), 271–301. <https://doi.org/10.1017/S0954579405050145>
- Chill, P. (2003). The Pernicious Effect of Emergency Removal in Child Protective Proceedings. *Family Court Review*, 41(4), 457–470. <https://doi.org/10.1111/j.174-1617.2003.tb00907.x>

- Dahir, V. (2005). Judicial application of Daubert to psychological syndrome and profile evidence: a research note. *Psychology Public Policy and Law*, 11(1), 62–82. <https://doi.org/10.1037/1076-8971.11.1.62>
- Dar-Nimrod, I. (2021). Genetic essentialism: The mediating role of essentialist biases on the relationship between genetic knowledge and the interpretations of genetic information. *European Journal of Medical Genetics*, 64(1), 104–119. <https://doi.org/10.1016/j.ejmg.2020.104119>
- Ducci, F. (2012). The genetic basis of addictive disorders. *The Psychiatric Clinics of North America*, 35(2), 495–519. <https://doi.org/10.1016/j.psc.2012.03.010>
- Fuss, J. (2015). Neurogenetic evidence in the courtroom: a randomised controlled trial with German judges. *Journal of Medical Genetics*, 52(11), 730–737. <https://doi.org/10.1136/jmedgenet-2015-103284>
- Gatowski, S. (2001). Asking the gatekeepers: a national survey of judges on judging expert evidence in a post-Daubert world. *Law and Human Behavior*, 25(5), 433–458. <https://doi.org/10.1023/A:1012899030937>
- Geva, A. (2012). Judicial determination of child custody when a parent is mentally ill: a little bit of law, a little bit of pop psychology, and a little bit of common sense. *UC Davis Journal of Juvenile Law & Policy*, 16(1), 6–91.
- Harden, K. (2023). Genetic determinism, essentialism and reductionism: semantic clarity for contested science. *Nature Reviews Genetics*, 24(3), 197–204. <https://doi.org/10.1038/s41576-022-00537-x>
- Henderson, G. (2013). Characterizing biobank organizations in the U.S.: results from a national survey. *Genome medicine*, 5(1), 2–12. <https://doi.org/10.1186/gm407>
- Joh, E. (2011). DNA Theft: recognizing the crime of nonconsensual genetic collection and testing. *Boston University Law Review*, 91(2), 665–700.
- Lewis, J. (2015). How UK psychiatric geneticists understand and talk about engaging the public. *New Genetic and Society*, 34(1), 89–111. <https://doi.org/10.1080/14636778.2014.998817>
- Lightfoot, E. (2010). The inclusion of disability as a condition for termination of parental rights. *Child Abuse & Neglect*, 34(12), 927–934. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2010.07.001>
- Link, B. (2001). Stigma as a barrier to recovery: the consequences of stigma for the self-esteem of people with mental illnesses. *Psychiatric Services*, 52(12), 1621–1626. <https://doi.org/10.1176/appi.ps.52.12.1621>
- Link, B. G., Struening, E. L., Rahav, M., Phelan, J. C., & Nuttbrock, L. (1997). On stigma and its consequences: evidence from a longitudinal study of men with dual diagnoses of mental illness and substance abuse. *Journal of Health and Social Behavior*, 38(2), 177–190. <https://doi.org/10.2307/2955424>
- Marchant, G., & Robert, J. (2009). Genetic testing for autism predisposition: ethical, legal and social challenges. *Houston Journal of Health Law & Policy*, 9, 203–235.
- Prichard, Z. (2008). No evidence for interaction between MAOA and childhood adversity for antisocial behavior. *American Journal of Medical Genetics*, 147B(2), 228–232. <https://doi.org/10.1002/ajmg.b.30581>
- Rew, L. (2010). Cool, but is it credible? Adolescents' and parents' approaches to genetic testing. *Western Journal of Nursing Research*, 32(5), 610–627. <https://doi.org/10.1177/0193945909360781>
- Rothstein, M.A. (2015). Privacy and confidentiality. In: Joly, Y., & Knoppers, B.M. (Eds.). *Routledge handbook of medical law and ethics* (pp. 52–67). New York: Routledge.
- Sabatello, M. (2016). Psychiatric Genetics in Child Custody Proceedings: Ethical, Legal, and Social Issues. *Current genetic medicine reports*, 4(3), 98–106. <http://doi.org/10.1007/s40142-016-0093-2>
- Scurich, N. (2016). The blunt-edged sword: genetic explanations of misbehavior neither mitigate nor aggravate punishment. *Journal of Law and the Biosciences*, 3(1), 140–157. <https://doi.org/10.1093/jlb/lsv053>
- Smith, D. (2010). The disordered and discredited plaintiff: psychiatric evidence in civil litigation. *Cardozo Law Review*, 31(3), 749–822.

- Taylor, S. (2006). Early family environment, current adversity, the serotonin transporter promoter polymorphism, and depressive symptomatology. *Biological Psychiatry*, 60(7), 671–676. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2006.04.019>
- Vickers, A. (2005). Daubert, Critique and Interpretation: What Empirical Studies Tell Us About the Application of Daubert. *University of San Francisco Law Review*, 40(1), 109–147.
- Wertheimer, J. (2020). The Statutory Stigmatization of Mentally Ill Parents in Parental Rights Termination Proceedings. *Nebraska Law Review*, 98(3), 746–776.
- Williams, B. (2013). Biobanking, consent, and certificates of confidentiality: does the ANPRM muddy the water?. *The Journal of Law Medicine & Ethics*, 41(2), 440–453. <https://doi.org/10.1111/jlme.12054>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Анастасия А. Селькова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Anastasia A. Sel'kova, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Civil Procedure Department at the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation